

Политика Идентичности и Демократия В Индонезии

(Identity Politics and Democracy In Indonesia)*

Refly Setiawan,¹ Kolesova Olga Valentinovna²

^{1,2} National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Russia Federation



10.15408/jch.v13i1.46829

Abstract

The article presents an analysis of the implementation of identity policy in Indonesia in its correlation with the democratic principles proclaimed by the government. The importance of having a state identity in the modern political situation is substantiated. An understanding of identity is provided from a scientific perspective, and the specifics of understanding identity in Indonesian national policy are explored. The reliance on understanding identity is based on national specifics, including traditions, state laws, symbols, and the constitution that prescribe its interpretation. The connection between identity policy and the proclaimed democracy is shown. An assumption is made about the potential for further identity formation in the country. The specifics of how the Indonesian government interprets democratic principles are highlighted. The main principles of democracy are given - "Trisila", formed by the first president of the Republic of Indonesia, Sukarno. The positioning of the political and economic aspects of democracy is emphasized. The triggers of conflicts in Indonesian society are recorded. An understanding of the specifics of "identity policy" and "political identity" is provided. The connection between democratic culture and regional political cultures is revealed. The difficulties of implementing identity politics in the regions are shown. Cultural elements such as religions, ethnic groups, and ideologies are used as instruments for promoting regional interests. Political and ethnic "gaps" are understood as defining structural elements of Indonesia's identity politics.

Keywords: Identity Politics; National Identity; Indonesian Nationalism; Political Elite; Democracy; "Trisila"

* Received: December 22, 2024; revised: February 23, 2025; accepted: March 13, 2025; published March 31, 2025.

¹ **Refly Setiawan** – PhD Student, Institute of International Relations and General History (IMOMI) of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia (ORCID ID: 0000-0003-0719-1287) (Scopus ID: 59490926100) (e-mail: setiawan1992@mail.ru / refly@ubl.ac.id).

² **Kolesova Olga Valentinovna** – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Communications, Institute of International Relations and General History (IMOMI) of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Russia (ORCID ID: 0000-0001-6274-2323) (e-mail: kolesovaov@yandex.ru).

**Corresponding author: refly@ubl.ac.id

ВВЕДЕНИЕ

Индонезия является суверенным государством, её территория очень велика, она включает около 17.000 островов, поэтому проблема национальной идентичности для Индонезии является существенной и значимой для позиционирования её интересов на мировом уровне. «Идентичность» в переводе с латинского буквально значит «тождественность, одинаковость». Для каждого отдельного человека это возможность ответить на вопрос: «Кто я?» Для страны – это возможность соотнести себя с пройденным историческим опытом ответов на те или иные вызовы, понимание специфики и уникальности собственного выбора ценностей. Проблема идентичности в середине 60-х годов XX века стала предметом изучения для западных учёных. Она нашла отражение в работах Э. Х. Эриксона ([Эриксон, 1996](#)), Ю. Хабермаса ([Habermas, 1987](#)), Э. Фромма ([Фромм, 1995](#)). Проблема идентификации соотносится в истории с классификационными подходами. Прошлые эпохи отражали родовые, классовые и другие самоопределения личности, связывавшие её с большими социальными структурами. Современные классификации учитывают специфику сегодняшнего дня. Так, У. Блум увязывает проблемы национальной идентичности и политического поведения и формулирует возникающие в этом контексте типы отношений:

1. Национальная идентичность позиционируется как ресурс внешней политики. Это вариант мессианского национализма.
2. Внешняя политика становится инструментом создания нации. В этом случае выбираемый государством «покровитель» выступает как образец для подражания.
3. Возможна формирующаяся идентичность переходного периода ([Bloom, 1996:89](#)).

В контексте нашего исследования последний тип, выделяемый Блумом, обретает особую значимость. В этой связи важным становится также мнение Ф. Боаса о том, что формы поведения подрастающего поколения обусловлены не только биологическими факторами, но и свойствами конкретной культуры ([Boas, 1930:84-98](#)).

Национальная идентичность поддерживает преемственность в жизни поколений. Индонезия, в этом смысле, обладает авторитетом и положением, равно другим странам ([Abdillah, 2002](#)). Национальная идентичность позиционируется Индонезией как продукт довольно

длительного национального процесса, а именно — с колониального периода до периода независимости ([Haboddin, 2012](#)).

Экономические, социальные, культурные и политические изменения, которые присущи историческому пути становления нации, невозможно отделить от контекста глобальных изменений в международном развитии ([Bertrand, 2004](#)). Если рассматривать эти глобальные изменения в контексте воззрений Фукуямы, то они должны способствовать замене частной идеологии на универсальную, что приведёт к доминированию капитализма ([Erb et al, 2005](#)). Противостоять этим тенденциям можно только благодаря сильной позиции государства.

В стране, которая борется с влиянием иностранной культуры, будут найдены ответы на все вызовы, касающиеся сохранения национальной самобытности. Если вызов имеет большую силу, чем ответ, нация не будет развиваться и не станет страной, которая может прогрессировать ([Anderson, 2001](#)). Поэтому, чтобы предотвратить культурные изменения в глобализационном русле, Индонезия должна продолжать поддерживать свою национальную идентичность, определяющую специфику индонезийского государства, как основу для развития культурного творчества в противостоянии глобализационным тенденциям.

Стране необходима национальная идентичность, функционирующая как маркер и идентификатор её характера для внешнего окружения ([Erman & Albintani, 2018](#)). Субъект также может называться страной, если у него есть национальная идентичность или он формирует идентичность, наряду с другими странами, признающими право за каждой страной в этом мире на свою собственную специфику ([Kirchanov, 2019](#)).

Известно, что индонезийская нация включает множество культурных элементов, рас, религий и имеет облик, сильно отличающийся от других стран. Методы, используемые для получения знаний о национальной идентичности и характере Республики Индонезия, не могут быть ограничены только статическими методами, но также должны дополняться динамическими форматами, такими как дискуссии ([Lestari, 2019](#)). В Индонезии национальная идентичность не только определена Конституцией 1945 года, но также позиционируется в Законе Республики Индонезия № 24 от 2009 года о флаге, языке и государственном гербе, национальном гимне ([Mahpudin, 2019](#)).

В проведении политики идентичности в Индонезии, которая основывается на имеющемся сходстве между этническими группами, возникают зачастую политические конфликты внутри групп, обусловленные напряжённостью в связи с различиями в социальном статусе или между большинством и меньшинством. Сложности сопряжены также с пониманием соотносимости ценностей либеральной демократии и Панчасила, определённым образом позиционирующей религиозные ценности, в противовес религиям меньшинств ([Buchari, 2014](#)).

Положительный момент, который можно усмотреть в политике идентичности, заключается в том, что прилагаются усилия по дальнейшему сохранению культурных ценностей, характерных для различных групп и, таким образом, сохраняется культурная динамика и развивается культура. В жизни нации и индонезийского государства национальная, этническая и религиозная идентичность играют очень важную роль ([Arie, 2005](#)).

В то же время существует мнение, что проводимая политика идентичности угрожает плюрализму, реальности разнообразия, преодолеваемым индонезийской нацией в связи с укреплением политики идентичности ([Zahrotunnimah, 2018](#)). Исходя из сложившейся ситуации, можно предположить, что формирование идентичности будет осуществлено либо частично, либо реализация будет осуществляться как процесс взаимодействия различных социальных субъектов. Это породит социально-экономические, социально-политические, и социально-культурные изменения. Этническая и религиозная идентичности — это две опоры, которые являются элементами социальных изменений. Процесс реализации политики религиозной идентичности будет иметь прямое или косвенное влияние на социальные изменения и наоборот ([Kymlicka, 2001](#)).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании применяются системный метод, сравнительный метод и общенаучные методы. Системный метод (Д. Истон и Т. Парсонс) использовался для выявления взаимосвязей и взаимозависимости в реализации политики идентичности, позиционируемой правительством, и политикой, проводимой регионами. Благодаря сравнительному методу были выявлены различия между базовыми положениями «Трисилы» и политическими установками регионов, а также показаны специфические

характеристики понимания демократии «по-индонезийски», в отличие от других её форматов. Данные в этом исследовании были взяты из вторичных источников, а именно: монографий, электронных книг, научных журналов, результатов исследований, статей и мнений печатных СМИ в Индонезии, веб-сайтов и других письменных источников и документов ([Moleong, 2018](#)). Используются другие источники, связанные с проблемой исследования ([Farida & Setiawan, 2018](#)).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. Система Демократии

По мнению первого президента Республики Индонезия Сукарно, индонезийская демократия родилась из воли к борьбе за независимость, а это означает, что она зародилась в сопротивлении империализму и колониализму. Об этом Сукарно писал в своих трудах «Indonesia Menggugat dan Di Bawah Bendera Revolusi», которые явно были вдохновлены движениями за независимость, имевшими место в различных частях мира ([Marina et al, 2020](#)).

Видение демократии Сукарно содержится в его концепции мышления, а именно мархаэнизме. Мархаэнизм — это плод мыслей Сукарно, сформированных во время обучения в Бандунге. Мархаэнизм, по сути, часто является инструментом для социального, политического и экономического анализа в Индонезии ([Nordholt & Klinken, 2014](#)). Он включает три основных пункта, называемых «Трисила», а именно ([Erman & Albintani, 2018](#)):

- **Социальный национализм**, что означает, что индонезийский национализм, в представлении Сукарно, имеет социальный характер, а гуманитарные ценности входят в само понятие национализма, поэтому он не шовинистический.
- **Социальная демократия**, что означает, что демократия, как её видит Сукарно, — это не просто политическая демократия, но и экономическая демократия, а также демократия, основанная на ценностях местной мудрости индонезийской культуры, а именно на дискуссиях и консенсусе.
- **Культурное божественное начало**, что означает, что Сукарно хочет, чтобы индонезийский народ верил в Бога без «религиозного эгоизма». Не приемлемы сектанство, перенос религиозных

уложений в область публичного права, и напротив, позиционируется взаимоуважение.

На наш взгляд, требует комментария значимый в данном контексте второй принцип Trisila Marhaenism, а именно — принцип социальной демократии. Социальная демократия Сукарно — это демократическая система, основанная на общественных ценностях. Она постулируется Сукарно как демократия, реализующая свои ценности для всего общества, а не только для его части. Президент подвергает критике французскую и американскую демократии, которые, по его мнению, подразумевают приоритет только для части людей, а именно буржуазии. Сукарно акцентирует внимание на двух составляющих демократии: политической и экономической ([Mahpudin, 2019](#)).

Единомышленником Сукарно является первый вице-президент Республики Индонезия Мохаммад Хатта, ставший одним из критиков западной либеральной демократии. В памфлете под названием «На пути к независимой Индонезии» Хатта заявил следующее ([Mahpudin, 2019](#)):

«Таким образом, западная демократия, которая родилась из Французской революции, не принесла людям истинной свободы, а вместо этого породила власть капитализма. Поэтому одной политической демократии недостаточно для достижения истинной демократии, а именно суверенитета народа, должна быть также экономическая демократия».

Политическая демократия на Западе, предложенная Уильямом Эбенштейном и Эдвином Фогельманом, основана на «индивидуальных интересах» в политической жизни. Это означает, что индивиды со всеми их основными правами являются основной единицей в политической жизни. Государство и другие группы созданы исключительно для обслуживания интересов этих индивидов ([Martin, 2002](#)). Хатта убеждён, что дух западного индивидуализма в политике должен быть отвергнут. Его видение демократической системы основано на принципах единения и семейных ценностях, которые отражают традиции индонезийской жизни, передающиеся из поколения в поколение.

В настоящее время демократическая система переживает довольно резкие перемены, поскольку различные правительственные партии в Индонезии понимают, что правительству не всегда удаётся обеспечивать справедливость для общества ([Kirchanov, 2019](#)). Правительство выступая гарантом прав граждан, стремится к осуществлению свободы каждого

человека. Индонезия при этом продолжает бороться за последовательное развитие, реализуя различия и разнообразие, содержащие угрозу разделения на группы ([Bertrand, 2004](#)).

Триггерами конфликтов, связанных с этими угрозами, в Индонезии выступают различные факторы: социальная зависть, межэтнические, культурные различия, несовпадение убеждений. Конфликты вызывают непонимание между отдельными людьми и социальными группами ([Prayudi, 2004](#)). В связи с выражением отдельными группами мнения о том, что под национализмом следует понимать чувство терпимости к независимости, достигнутой Индонезией, триггеры усложняются. Представители этнических, расовых убеждений и традиционных идентичностей часто доминируют над националистическими группами ([Panggabean, 2018](#)). Споры между националистами и выразителями иных убеждений всё больше подрывают стабильность государства. Различия в понимании политической идентичности могут привести к новым проблемам в обществе, которые вызваны разнотечием понимания истины идентичности проправительственных и антиправительственных групп. ([Voskresensky, 2008](#))

2. Демократический переход в Индонезии

Демократический переход в Индонезии является самой короткой, но самой решающей фазой, поскольку провал страны в процессе демократизации зависит от процесса демократического перехода. По словам Ричарда Гюнтера, переход ([Kymlicka, 2001](#)): «Начинается с распада бывшего авторитарного режима и заканчивается установлением относительно стабильной конфигурации политических институтов в рамках демократического режима».

Процесс демократического перехода, или процесс демократизации, в Индонезии начался с передачи власти от президента Сукарно вице-президенту Б. Дж. Хабиби 21 мая 1998 года. Он называется «переходом», потому что на этом этапе Индонезия пережила сдвиг или переход политической системы от авторитарной к демократической, от военного превосходства к гражданскому, от централизации к децентрализации и т. д. Это означает, что Индонезия отошла от диктаторской системы и движется к переменам как демократическая страна. ([Palupi, 2019](#))

Крах Старого порядка открыл возможности для политических реформ и процессов демократизации в Индонезии. Опыт Нового порядка

также заставил Индонезию осознать, что демократия важна для роста благосостояния людей, поэтому все индонезийцы после 1998 года надеются, что процесс демократизации под руководством президента Хабиби и Кабинета реформ развития пройдёт успешно и без отклонений. ([Panggabean, 2018](#))

Президент Хабиби взял на себя большую ответственность за инициирование шагов по демократизации и закладыванию основ демократической системы в Индонезии, таких как подготовка к демократическим всеобщим выборам и принятие нормативных актов, включая освобождение политических заключенных Нового порядка ([Munauwarah, 2011](#)). В эпоху демократического перехода было сформировано несколько новых законов, например, «Закон о политических партиях», «Закон о выборах», в «Закон о положении Народного консультативного собрания как высшего государственного учреждения» были внесены изменения.

3. Политика идентичности в Индонезии

Политика идентичности получила совершенно особое место в последние годы как в практике, так и в научных исследованиях в области политологии и социологии ([Koroteeva, 1999](#)). Одной из заслуг проводимой политики идентичности является то, что она включает просветительскую работу по истории её формирования в Индонезии (Bertrand, 2004). Следует также отметить, что в постколониальных исследованиях она изучалась в течение длительного времени ([Buchari, 2014](#)).

Реальным вкладом в развитие политики идентичности является то, что она стала составляющей дискурса истории и культуры ([Ross, 2011](#)). В политологической литературе политика идентичности анализируется с целью выделения чётких различий между тем, что такое политика идентичности, и тем, что такое политическая идентичность. Политическая идентичность сама по себе является выражением определённой принадлежности интересов субъекта. Политика идентичности – это то, что относится к политическим механизмам и организации идентичностей, как в политических идентичностях, так и в социальных идентичностях ([Buchari, 2014](#)).

Политику идентичности можно изучать, анализируя проявления борьбы за политическую власть, она всё чаще наблюдается в прогрессирующих политических практиках ([Sarumpaet, 2012](#)). Особенно

это было ярко выражено в деятельности демократической партии, в 2024 году через большую повестку под названием Всеобщие выборы «PEMILU». Политический эксперт Дональд Л. Моровиц из Университета Дьюка определил политику идентичности как проведение очень жесткой линии для определения того, кто будет включён, а кто будет отвергнут ([Voskresensky, 2008](#)).

Линия определения идентичности не может быть изменена, поэтому статус члена сообщества воспринимается как постоянный. Агнес Хеллер ([Abdillah, 2002](#)) описывает политику идентичности, сосредотачивая внимание на выделении внутренних различий: при постулировании свободы, терпимости и возможности выбора происходит порождение моделей нетерпимости, насилия и этического конфликта. В конечном итоге политика идентичности может включать расизм, биофеминизм, экологические проблемы и этнические споры ([Kuznetsov, 2020](#)). Анализ истории Индонезии показывает, что контекст политики идентичности, как правило, включал религиозные и политические составляющие ([Buchari, 2014](#)). Особого внимания и изучения заслуживает проводимая политика идентичности в связи с индонезийским мультикультурализмом.

4. Политика идентичности и укрепление местной демократии

Политическая культура Индонезии является её социальным и историческим наследием ([Buchari, 2014](#)). Культура включает различные составляющие: верования, привычки и социальные структуры, которые представляют собой продолжение политической жизни общества ([Dolzhikova & Moseykina, 2020](#)). Ограничения в культуре могут исходить из религии, обычаев и норм, которые уже существуют в обществе. Они также просматриваются в тенденциях поведения людей по отношению к политической жизни общества. ([Buchari, 2014](#))

Политическая система оказывает культурное влияние на регионы, на реализацию в них бюрократических моделей и демократической системы ([Arie, 2005](#)). Местная демократическая система выражает картину политической культуры региона и влияет на все сферы политической жизни в обществе ([Erman & Albintani, 2018](#)). Демократическая культура имеет тесную связь с местной политической культурой: во-первых, это выражено в том, что бюрократия является политическим органом; во-вторых, демократическая культура играет важную роль в осуществлении понимания высшего политического класса (Mahpudin, 2019). В-третьих,

бюрократическая система определяет региональное развитие. Исследователи выделяют причины некоторого торможения в изменении местных политических систем, которые вызваны ориентацией на устоявшиеся ранее ценностные приоритеты. Это связано с тем, что возникают сомнения и недоверие к современной политической системе по поводу её заинтересованности в эффективном управлении и решении проблем локального характера.

Существует большое недоверие и у высшего класса к региональной политике, которая всё ещё манипулирует местными средствами массовой информации, чтобы заручиться поддержкой жителей ([Buchari, 2014](#)). Эта ситуация также объясняется существенным влиянием традиционных ценностей на политические настроения. Очевидно, что местные ценности являются опорой, в значительной степени влияющей на изменение политической системы и способной оказывать серьёзное воздействие на бюрократическую систему в регионе. ([Mahpudin, 2019](#))

Опыт нескольких областей Республики Индонезия показывает, что усиление политики идентичности может изменить политическую систему. Хабоддин ([Haboddin, 2012](#)), анализируя местные СМИ, даёт картину в нескольких областях, свидетельствующую об угрозе стабильности правительства. В региональной прессе публикуются статьи о «местных сыновьях», где постулируется мысль о том, что они должны возглавить регион и внести некоторые изменения в правительство.

В эпоху Нового порядка лидерство принадлежит местным жителям, и, хотя оно полностью контролируется и определяется центром, их выдвижение осуществляется местными группами. Уровень социального неравенства в Индонезии относительно низок, что на арене политической борьбы отражается на высокой внутренней конкуренции. ([Haboddin, 2012](#))

Верхняя элита, безусловно, пользуется этой ситуацией. Люди участвуют в политике, движимой деньгами, и превращают индонезийскую демократию в политические джунгли. Те, у кого много денег, выигрывают больше других. Такая ситуация не может быть гарантией прогресса нации в будущем. В Индонезии используется понятие «феодализм» для обозначения осуждаемого поведения, связанного с устаревшими стереотипами. Оно выражается в том, что люди хотят добиться уважения к себе, используя уже отвергнутые нормы и ценности. Когда подобные установки имеют место, людям невысокого социального статуса сложно выражать своё мнение. Обладатели высокого положения в обществе игнорируют интересы остальных. ([Bertrand, 2004](#))

Структурные и культурные позиции вертикальных отношений между людьми ([Kymlicka, 2001](#)), отчаянное и скептическое отношение к демократии часто возникают в индонезийском обществе в силу того, что выборы подчас подразумевают вмешательство семьи и создают впечатление, что власть исходит из семейных связей и может передаваться из поколения в поколение и игнорировать демократические ценности. Сторонники теории заговора считают, что всё в этом мире было спроектировано именно таким образом, а мировое сообщество является жертвой грандиозного сценария. Демократия рассматривается в качестве предлагаемого сценария. ([Mahpudin, 2019](#))

Реализация выборов глав регионов в Индонезии регулируется Законом № 6 от 2020 года о выборах губернаторов, регентов и мэров. Выборы проводятся для избрания представителей народного парламента или руководителей исполнительной власти на национальном и местном уровнях, таких как президенты и губернаторы, регенты и мэры. Практика, осуществляемая политиками, не всегда однозначно воспринимается обществом, притом, что часто обещания, данные ими в процессе предвыборной борьбы, получали поддержку. Реализация выборов всеми партиями должна надлежащим образом контролироваться, это должно стать гарантией их свободного, тайного, честного и справедливого проведения. Кроме того, выборные процедуры необходимо осуществлять в соответствии с принципами правовой определённости, упорядоченного проведения, общественного интереса, открытости, эффективности и результативности. При выборе кандидатов на пост лидера сообщество учитывает, что человек явно заинтересован в расширении прав и возможностей своего сообщества и местных ценностях, а также в выборе региона ([Buchari, 2014](#)), это естественный выбор — стать представителем сообщества в правительстве.

5. Политика идентичности и региональные политические практики

Доминирующей позицией, способствующей региональной экспансии в Индонезии, является принадлежность к определённой религии, этносу, идеологии (Buchari, 2014). СМИ используются региональными субъектами для вскрытия возникающих противоречий в проводимой политике при каждой возможности.

Задачей местных элит видится только инстинктивное стремление возглавить группу для достижения экономических и политических целей

([Abdilah, 2002](#)). Из этого следует, что децентрализация является определяющим фактором в формировании политики идентичности с большими полномочиями, предоставленными центральным правительством регионам в эпоху реформ. Таким образом, положение местных элит упрочняется по отношению к власти на местной политической арене. Децентрализованные политические практики акцентируют внимание СМИ на вопросах этнической, племенной, религиозной принадлежности как ресурсе в достижении власти. Политика идентичности формируется благодаря структурным элементам её основных измерений: политических и этнических «разрывов».

Разными исследователями фиксируются одни и те же тенденции: этническая принадлежность, как правило, используется в качестве политической легитимности для достижения власти. Для этой же цели поставлены на службу местными политическими элитами структурно объединённые группы ([Buchari, 2014](#); [Mahpudin, 2019](#)).

Политика идентичности позиционируется в качестве инструмента политической легитимности на уровне деревни, где взаимосвязь политических интересов создаётся и используется акторами в экономике, политике, обществе и культуре. Контролируя активы и ресурсы и распределяя власть в целях развития сельской местности, политическая власть в деревне стала новым механизмом в поисках прибыли для определённых элит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демократическая система Индонезии совершенствуется и меняется из года в год. Демократия может выступать в качестве гаранта прав, которые должны иметь граждане, так как может обеспечить свободу каждому человеку. Индонезия стремится к устойчивому развитию в условиях различий и разнообразия, которые являются провокационными факторами для формирования социальной зависти.

Особое место политики идентичности в Республике Индонезия отражено как в практике политической жизни, так и в научных изысканиях в политологии и социологии. Несомненной заслугой проводимой политики стала просветительская работа, связанная с историей её формирования в Индонезии.

Местная политическая культура, имеющая место в современной Индонезии, является историческим социальным наследием. Она представлена различными элементами, такими как верования, привычки, социальные структуры, обуславливающими политические процессы в обществе. Сформированные нормы поведения и восприятия в обществе связаны со спецификой идентичных проявлений культуры. Эти особенности влияют на политическую жизнь общества.

В Индонезии национальная идентичность позиционируется как символ индонезийской нации. Однако в различных регионах во главу угла выносятся проблемы, в большей степени связанные с этнической принадлежностью, религией, идеологией, что демонстрирует интерес местных элит в расширении власти в регионе. СМИ, используемые местными политическими элитами против «несправедливости» в политике в Индонезии, часто имеют целью подорвать авторитет правительства. Поведение местных элит, стремящихся к управлению в регионе, часто связано не только с решением экономических и политических задач, но подчас и с собственным обогащением. Децентрализованные политические практики, отражающие этническую, племенную, религиозную принадлежность, выступают в качестве политического инструмента для достижения власти. Политические и этнические «разрывы» стали определяющими структурными элементами политики идентичности Индонезии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Abdilah U. (2002). *Politik Identitas Etnis: pergulatan tanda tanpa identitas* [Политика этнической идентичности: борьба за знаки без идентичности]. Jakarta: Indonesiatara. 226 p.
- Anderson B. (2001). *Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. KANON press "Kuchkovo field". 288 p.
- Arie S. (2005). Memetakan Lokasi Bagi Politik Identitas Dalam Wacana Politik Poskolonial [Картографирование местоположения политики идентичности в постколониальном политическом дискурсе]. *Journal Mandatory*. Vol. 2 (2). 13-34 p.
- Bertrand J. (2004). *Nationalism and Ethnic Conflict in Indonesia*. New York: Cambridge University Press. 277 p.
- Bloom, W. (1996). *Personal Identity, National Identity and International Relations*.

Cambridge: W. Bloom. 123 p.

Boas, F. (1930). *Some Problems of Methodology in the Social Sciences* / F. Boas // *The New Social Sciences*. University of Chicago Press. 84–98 p.

Buchari A.S. (2014). *Kebangkitan Etnis Menuju Politik Identitas [Этническое пробуждение в сторону политики идентичности]*. Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia. 224 p.

Dolzhikova, A. V., & Moseykina, M. N. (2020). Institutions and Educational and Cultural Tools of Migration Policy in Modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 22(3), 387–400. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-387-400>

Erb M. Sulistiyanto P. and Faucher C. (2005). *Regionalism in Post-Suharto Indonesia*. London and New York: Routledge Curzon. 250 p.

Erman., & Albintani, M. (2018). Politik Identitas dan Negara Bangsa di Riau [Политика идентичности и национальное государство в Риайу]. *Nakhoda: Jurnal Ilmu Pemerintahan*, Vol. 17 (29), 1–13.

Фромм Э. (1995). *Человеческая ситуация* / Эрих Фромм; [пер. Л.В. Трубицыной и др.]. Москва: Смысл. 239 с.

Эрикссон, Э. Г. (1996). *Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых*. Москва: Прогресс. 340 с.

Haboddin M. (2012). *Menguatnya Politik Identitas di Ranah Lokal [Усиление политики идентичности на местном уровне]*. *Jurnal Studi Pemerintahan*. Vol. 3 (1). 116-134 p.

Habermas J. (1987). *Geschichtsbewusstsein und posttraditionale Identität // Eine Art Schadenabwicklung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 161-179 p.

Kirchanov M. (2019). *Nationalism and modernization in Indonesia in the XX century*. Voronezh: Scientific Book. 250 p.

Koroteeva V.V. (1999). *Theories of nationalism in foreign social sciences*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 140 p.

Kuznetsov, I. I. (2020). Great patriotic war in school literature: features of political socialization of students. *Rudn journal of political science*, 22(2), 245–261. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-245-261>

Kymlicka W. (2001). *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford University Press. 383 p.

- Lestari D. (2019). Pilkada DKI Jakarta 2017: Dinamika Politik Identitas di Indonesia [Выборы губернатора Джакарты 2017 г.: динамика политики идентичности в Индонезии]. *Simularca*. Vol. 2 (1). 31-37 p.
- Mahpudin. (2019). Demokrasi dan Kebangkitan Politik Identitas: Refleksi Perjalanan Demokrasi Indonesia Pasca Orde Baru [Демократия и подъем политики идентичности: размышления о пути демократии в Индонезии после Нового порядка]. *International Journal of Demos*. Vol. 1 Issue 1. 1-18 p.
- Martin Y.V. (2002). *Indonesia selected works*. St. Petersburg: Aletheia. 248 p.
- Marina G., Nikolai N., Nikita B. (2020). Discourses of Oblivion in the Historical Politics of East Asia: Indonesia and Japan. *Perm University Bulletin. POLITICAL SCIENCE*. Vol. 14 (4). 107-114 p.
- Moleong, L. J. (2018). *Metodologi Penelitian Kualitatif [Методология качественного исследования]*. Bandung. PT. Rosdakarya youth.
- Munawarrah. (2011). *Politik Etnis Masyarakat Pendatang Di Kota Palopo Indonesia [Этническая политика иммигрантских общин в городе Палопо, Индонезия]*. Makasar: Universitas Hasanuddin. 88 p.
- Nordholt S.H. and Klinken V.G. (2014). *Renegotiating Boundaries; Local Politics in Post-Soeharto Indonesia*. Jakarta: Yayasan Pusaka Obor Indonesia. 706 p.
- Farida, I., & Setiawan, R. (2018). Leadership in cope with prostitute in social department of bandar lampung. *Saburai international journal of social sciences and development*, 2(1), 1. <https://doi.org/10.24967/saburaiijssd.v2i1.325>
- Palupi P.W. (2019). Eksploitasi Isu Politik Identitas Terhadap Identitas Politik Pada Generasi Milenial Indonesia di Era 4.0 [Эксплуатация проблем политики идентичности против политической идентичности индонезийского поколения миллениалов в эпоху 4.0]. *Journal of Islamic Studies and Humanities*. Vol. 4 (2). 187-217 p.
- Panggabean R.S. (2018). *Konflik dan Perdamaian Etnis di Indonesia [Этнический конфликт и мир в Индонезии]*. Tangerang Selatan: PT Pustaka. 278 p.
- Prayudi P. (2004). Akar Masalah Penyebab Konflik Etnis Dan Alternatif Penyelesaiannya [Коренные причины этнических конфликтов и альтернативные решения]. *Jurnal Ketahanan Nasional*. Vol. 9 (3). 39-59 p.
- Ross, C. (2011). The rise and fall of political parties in russia's regional assemblies. *Europe-Asia studies*. Vol. 63 (3). 429-448.

<https://doi.org/10.1080/09668136.2011.557535>.

Sarumpaet M.A.B. (2012). Politik Identitas Etnis Dalam Kontestasi Politik Lokal [Политика этнической идентичности в местных политических состязаниях]. *Jurnal Kewarganegaraan*. Vol. 19 (2). 52-60 p.

Voskresensky A.D. (2008). *Conflicts in the East: Ethnic and Confessional*. Moscow: Aspect Press. 512 p.

Zahrotunnimah. (2018). Sejarah Politik Identitas dan Nasionalisme di Indonesia [История политики идентичности и национализма в Индонезии]. *Jurnal Adalah*. Vol. 2. 94p.